

MATERIÁLY

ЯРОСЛАВ МАНДАТ

НЕИЗВЕСТНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ А. И. ЭРТЕЛЯ (Из архива Авг. Врзая)

В предыдущем номере нашего Сборника трудов за 1964 год (Д 11) мы напечатали неизвестное письмо-автобиографию Д. Н. Мамина-Сибиряка из собрания 36 писем, находящегося в центральной библиотеке философского факультета университета г. Брно. Они принадлежали 22 русским писателям конца XIX—начала XX веков. В комментарии к этому изданию мы уже дали краткий очерк жизни и деятельности адресата и бывшего владельца этих писем Августина Алойза Врзая (1864—1930), выступавшего в печати чаще всего под псевдонимом А. Г. Стин. Одновременно мы объяснили возникновение и дальнейшую судьбу этой интересной части его архива.

Издавая новое письмо-автобиографию А. И. Эртеля из того же собрания, считаем нужным дополнить наш вышеупомянутый комментарий некоторыми данными.

В той части личного архива А. Врзая, которая находится в Государственном архиве г. Брно, удалось найти еще четыре письма-автобиографии русских писателей: А. А. Измайлова, К. В. Назарьевой, И. Н. Потапенко и Р. И. Сементковского (Антарова). Не исключена возможность, что будут найдены письма также и других русских писателей, напр., письмо Н. С. Лескова, произведения которого А. Врзаль усердно переводил.

Немалый интерес для историка русской литературы представляет библиотека А. Врзая. Сохранились приблизительно две трети ее первоначального состава. Исключительно в его библиотеке находятся книги, которые нельзя более нигде найти на территории Чехословакии, а также такие библиографические редкости, как, напр., первая часть *Истории моего современника* (СПб. 1909) В. Г. Короленко с дарственной надписью писателя, далее отгиск очерка *Бытовое явление*, напечатанного в журнале „Русское Богатство“, с корректурами, сделанными рукою В. Г. Короленко и т. п. Библиотека А. Врзая находится теперь в Государственной научной библиотеке г. Брно. Здесь она образует самостоятельное целое.

Не останавливаясь подробно на всестороннем описании архива А. Врзая и на критическом рассмотрении его научно-литературной и переводческой деятельности (для этого потребовалась бы самостоятельная статья), ограничимся лишь краткой характеристикой его переписки с русскими писателями.

Эта корреспонденция является следствием научно-литературной и переводческой деятельности А. Врзая. Подготавливая к печати свою книгу *История русской литературы XIX века* (1891—1897, 952 стр.), А. Врзаль часто обращался к тем или иным русским писателям (реже — к историкам литературы и литературным критикам) с просьбой сообщить ему биографические и библиографические сведения для включения их в состав „Истории“. Этот факт позволяет нам устанавливать даты написания тех писем собрания, в которых они не проставлены. Это относится между прочим и к ниже напечатанному нами письму А. И. Эртеля. А. Врзаль часто обращался с подобными просьбами и к тем писателям, чьи произведения он переводил. Он перевел свыше 400 произведений почти 70 русских писателей.

Большинство русских писателей охотно шло навстречу просьбам А. Врзая. У последнего таким образом оказалось интересующее нас собрание автобиографий русских писа-

телей, в том числе таких крупных художников слова, как А. П. Чехов, В. Г. Короленко, а также Д. Н. Мамин-Сибиряк. В 1928 году А. Врзаль решил подарить свое собрание, к сожалению неполное, библиотеке нашего факультета. Проф. С. Г. Вилинский, читавший тогда русскую литературу в нашем университете, издал из всего собрания лишь письмо А. П. Чехова и три письма В. Г. Короленко.¹ Остальные письма, имеющие значение для истории русской литературы, будут изданы постепенно в нашем Сборнике трудов.

Содержание преобладающего большинства писем — автобиографично. Сведения русских писателей о их жизни и творчестве свидетельствуют часто о жестоком преследовании царским правительством передовых людей в России конца XIX—начала XX веков. Многие из авторов писем жалуются на цензуру. Иногда дается критическая оценка общественно-политической обстановки той поры. В этом отношении особенно интересны письма В. Г. Короленко, А. И. Эртеля, Г. А. Мачтета, С. И. Гусева-Оренбургского и А. А. Измайлова. Интересна также оценка собственной деятельности И. А. Саловым. В письмах нередко отражается интерес этих писателей к работе А. Врзаль, иногда — к чешской литературе и чешскому языку.

С некоторыми русскими писателями А. Врзаль поддерживал переписку и после получения от них автобиографий. Сохранились, например, по 3 письма В. Г. Короленко, есть 2 письма М. Крестовской и др.

*

Ниже издаваемая нами автобиография А. И. Эртеля, писателя-разночинца 80-х—первой половины 90-х годов XIX века, автора „Гарденин“, одного из лучших социальных романов в русской литературе той поры, написана автором от третьего лица. Она состоит из пяти листков белой писчей нелинованной бумаги размером 13 см на 19 см. Текст написан по обеим сторонам каждого листка очень тщательно и разборчиво. Владелец письма А. Врзаль поручил в письме важные для него сведения синим, красным или простым карандашом. Это обычный для него способ изучения материалов. Нужно предполагать, что письмо А. И. Эртеля к А. Врзалю состояло не только из сохранившейся автобиографии, но еще из одного листка — вводной части письма, содержащей ответ писателя на просьбу А. Врзаль и еще кое-какие сообщения личного порядка. На этом, по нашему мнению, затерявшемся листке была и дата написания письма. Сегодня можем установить ее лишь приблизительно. Это был 1892 или 1893 год.

А. Врзаль обильно черпал из автобиографии А. И. Эртеля для своего очерка жизни и творчества писателя, помещенного им в его книге „История русской литературы XIX века“ (1891—1897, стр. 451—454). К творчеству А. И. Эртеля он относится критически. Правильно подчеркнув новизну выведенного писателем жизненного материала в романе „Гарденины“, А. Врзаль в то же время упрекает А. И. Эртеля в его чрезмерном увлечении учением Л. Н. Толстого (идеализация патриархальной деревни, отрицательное отношение к цивилизации) и также в некоторых недостатках художественной архитектуры его произведений. По мнению А. Врзаль писатель А. И. Эртель принадлежит к числу второстепенных художников слова. В многочисленных переводах А. Врзаль из русской литературы нет ни одного перевода из творчества А. И. Эртеля.

А. Врзаль знакомился с произведениями А. И. Эртеля непосредственно по их первому изданию в русских журналах, прежде всего в „Русской Мысли“. Отдельные годы издания этого журнала богато представлены в его частной библиотеке. Из произведений А. И. Эртеля, вышедших еще при жизни автора отдельными изданиями, здесь находятся лишь два: *Жадный мужик* (Москва 1888) и *Рассказы Ивана Федотыча* (Москва 1891).

Автобиография А. И. Эртеля издается без всяких изменений содержания и расстановки знаков препинания и правописания. Заменена лишь старая орфография на новую.

*

(Без даты.)

Александр Иванович Эртель родился 7 июля 1855 г. в селе Ксизове, Задонского уезда, Воронежской губернии. Дед его, Людвиг Эртель, сирота, родом из Берлина, попал

¹ Проф. Сергей Вилинский, *Письма русских писателей чешскому переводчику. Из архива Авг. Врзаль*. Журн. „Центральная Европа“. Ежемесячник. Орбис, Прага 1930, год издания III, стр. 650—657.

в 1811 году пятнадцатилетним мальчиком в армию Наполеона и, в несчастном для французов сражении под Красным, взят был в плен. Русский офицер Марин, возвращаясь в отпуск в свою воронежскую деревню, захватил с собою пленного мальчика и хотел записать его в свои крепостные. Но из опасения неприятных хлопот отец Марина воспротивился этому и тогда офицер оставил мальчика в деревне до размена пленных. Людвиг утроблялся в господском доме на разные послути, вместе с крепостными, потом выучился русскому языку, был „дядькой“, гувернером и учителем, и после многих скитаний по России, женился на крепостной девишке г. Марина приняв перед женитьбой православие, имя Александра Михайловича, и, приписавшись в мещане города Воронежа. Дальнейшая его жизнь прошла в управлении барскими именьями в различных местностях России.

Отец А. И-ча, Иван, получил весьма поверхностное образование, в так называемом уездном училище в г. Воронеже, потом жил в Москве купеческим прикащиком, а по возвращении оттуда на родину, в начале пятидесятих годов, сделался управляющим богатого тамбовского помещика г. Савельева. Савельев был по своему времени человек довольно образованный, часто ездил за границу, служил в блестящем полку. Выпешши в отставку он летом стал жить в деревне и очень близко сошелся с своим управляющим. К тому времени И. А. женился и имел уже сына и дочь. Савельев вскоре привез себе жену из Парижа, француженку не знавшую ни слова по русски. Не имея детей они взяли к себе в дом сына управляющего с целью воспитать его и дать ему блестящее образование. Это намерение ограничилось однако тем, что мальчика выучили читать и писать по русски и некоторым начаткам французского языка. Случилось так, что в отношениях Савельева с И. А. произошла перемена и четырнадцати-летняя дружба кончилась разрывом. И. А. отказался от места и перешел на такую же должность к другому помещику; мальчик, конечно, был тоже взят от Савельевых.

И. А. очень любил читать и, вообще, был недюжинного ума. Затем дружба с Савельевым имела на него большое, и, отчасти, хорошее влияние; тем не менее он находил что для образования сына не стоит затрачивать последние средства и, что главное, приучить его к отцовскому делу, т. е. к занятию сельским хозяйством. Таким образом всякое правильное образование А. И-ча пресеклось, и в одном учебном заведении он не был и все достигнутые им сведения приобрел из книг, к которым питал необыкновенную страсть, да из наблюдений над жизнью. Взамен правильной школы он рано узнал школу жизни. С двенадцати лет он помогал уже отцу в управлении именьями, ездил в поля и степи, наблюдал за работами, близко сходилась с народом быт и мировоззрение которого узнал во всех доступных мальчику и потом юноше подробностях.

Семнадцати лет А. И. занял самостоятельное место конторщика и, вместе, помощника управляющего в другом большом имении. Затем, спустя три года оставил это место и, с помощью отца, в компании с одним купцом, снял в аренду землю. Собственное хозяйство однако не пошло, отчасти и потому что А. И. в то время уже не мог смотреть на народ как на исключительно рабочую силу, с которой он вправе взимать доходы. Доходы же эти были необходимы для исправного взноса аренды и чтобы жить. Одним словом результаты предприятия оказались плачевными, и для А. И. оставался единственный выход снова взять должность конторщика, прикащика или управляющего. Но его взгляды и мысли уже решительно не совпадали с теми требованиями, которые предъявляются конторщикам, прикащикам и управляющим. Еще во время занятий своим хозяйством он напечатал в еженедельном журнале „Русское Обозрение“ маленький очерк „Переселенцы“ (1878 г.) и затем в журнале „Слово“ (1879 г.) статью о тягостном положении крестьян в их экономических отношениях с помещиками и купцами. В этих первоначальных опытах достаточно были заведательствованы его мысли и взгляды столь несовместные с интересами богатых землевладельцев.

Из безвыходного положения вывел А. И-ча случай, вообще игравший значительную роль и в его последующей жизни. Еще в 1875 году он познакомился с литератором П. В. Засодимским, приезжавшим на время в тамбовскую губернию. Мимолетное знакомство в два-три года окрепилось перепишкой и личными свиданиями и, вот, в 1879 году, когда А. И., завершивши ликвидацию своей аренды, не знал что ему делать и куда деваться, г. Засодимский написал ему, не желает ли он заведывать одной публичной библиотекой в Петербурге на условиях бесплатной квартиры и отопления. При других обстоятельствах предложение могло казаться мало соблазнительным, но А. И. нашел что оно хорошо и решился ехать. У него было написано в то время два-три рассказа, и он надеялся что литературные занятия дадут ему какой-нибудь заработок, и что вообще „там видно будет!“.

Таким образом в мае 1879 г. А. И. очутился в огромном и совершенно незнакомом городе

с 40 рублями в кармане, с своими рукописями, с робкими и неопределенными надеждами в голове. Надежды осуществились не особенно скоро, за то скоро образовались весьма интелесные знакомства и отношения. По многим условиям библиотека привлекала подписчиков исключительно в среде литераторов и учащуюся молодежь. Так, одно из первых знакомств А. И-ча было с Глебом Успенским; затем последовали отношения с В. М. Гаршиным, Н. Н. Златовражким и многими другими писателями. Независимо от этих литературных знакомств совершалось много встреч и отношений в среде молодежи и с выдающимися лицами тогдашней революционной тартгии. Впечатлений было достаточно и притом очень ярких и оригинальных... Но с заработком долго ничего не удавалось. Рассказы предлагались почти во все большие журналы тогда существовавшие, но нигде их не печатали. Наступала полная нищета. Здоровье А. И-ча, расстроенное еще в деревне, все более портилось благодаря петербургскому климату, волнениям и неудачам. Появилась тоска по родине, представлявшей своими молчаливыми степями и простором, всем содержанием своей действительности, такой резкий контраст шуму, сумятице и планам Петербурга... Отсюда явилось стремление писать, не смотря на то, что написанное не печатали. Рассказы, привезенные из деревни, подверглись переработке и, вместе с другими, вновь написанными получили общее название *Записок Степняка*.

Наконец в сентябре 1879 г. А. И. решился обратиться с своими рукописями в редакцию „Вестник Европы“. Делами редакции в то время заведывал А. Н. Пыпин. Ему рассказы понравились... Издатель журнала М. М. Стасюлевич приехавший позднее из заграницы, согласился с г. Пыпиным и немедленно дал А. И-чу денег. В первой книжке „Вестника Европы“ за 1880 год появился рассказ „Ночь под рождество“ и, затем, с февраля начали печататься „Записки Степняка“. Отсюда нужно считать решительные вступления А. И. на дорогу профессионального литератора.

Весною 1880 г. у А. И. открылось кровоизлияние из легких. Кроме молодых врачей его лечил известный профессор В. А. Манассеин, и, по просьбе И. С. Тургенева, посетил знаменитый лейб-медик С. П. Боткин. Боткин выразил опасение, что А. И. не доедет до деревни, умрет в дороге... Приговор Манассеина не был столь зловоющим: он советовал везти больного в деревню и поит кумысом. Так и сделали. Лето А. И. прожил у себя на родине, на маленьком хуторе, который арендовал его отец, и в это же лето так поправился, что мог писать продолжение „Записок Степняка“. Поездка на следующий год в Самарскую губернию и лечение кумысом почти совсем восстановило его здоровье.

На ряду с „Записками Степняка“ А. И. поместил в 1882 г. ряд статей в газете „Голос“ под общим названием „Очерки нашей сумятицы“, и в газете „Порядок“ свои впечатления от поездки на Волгу. Затем по окончании „Записок Степняка“ напечатал в „Вестнике Европы“ небольшую повесть „Волжонская Барышня“, и рассказ, оставшийся недооконченным „Пятихиты дети“, а в журнале „Дело“ под редакцией Н. В. Шелгунова поместил драматические картины озаглавленные „Бабий бунт“.

Весною 1884 г. А. И. был арестован в Петербурге по обвинению в государственном преступлении и заключен в Петропавловскую крепость. В крепости у него снова открылось кровохарканье после которого он был переведен в менее страшную тюрьму, и затем, спустя три месяца, освобожден на поруки тому же профессору В. А. Манассеину.

По освобождении А. И. поехал в Кисловодск на Кавказ, и затем на позднюю осень — в Крым. Следствием пребывания на Кавказе была повесть „Минеральные Воды“ напечатанная в журнале „Русская Мысль“. Зимой 1884—1885 г. А. И-чу удалось прожить в Москве не смотря на запрещение жить в обеих столицах. Этим он обязан тогдашнему московскому генерал-губернатору князю В. А. Долгорукову. В Москве у А. И. до тех пор почти не было знакомых; тем не менее эти знакомства образовались быстро и круг московских литераторов и ученых очень радушно принял его в свою среду. В конце зимы состоялось также знакомство с гр. Л. Н. Толстым и известным основателем издательской фирмы „Посредник“ В. Г. Чертковым. Последнее знакомство превратилось впоследствии в дружеские отношения не смотря на значительную разницу в мыслях и убеждениях.

В марте 1885 г. московская полиция потребовала немедленного удаления А. И. из Москвы. Он поехал на Южный берег Крыма, а лето провел в Орловской губернии в имении своих знакомых. Этим же летом Общество Любителей Российской словесности при Императорском Московском Университете единогласно выбрало А. И-ча своим действительным членом.

Так как жительство в столицах было А. И-чу уже окончательно воспрещено, то он зимою 1885 г. переехал в Тверь, где, спустя год или полтора его застало распоряжение правительства об отдале под гласный надзор полиции на два года. Всего в Твери А. И-чем было проведено четыре года, при чем, во время полицейского надзора, каждое

лето ему разрешалось проводить в Самарской губернии, а когда надзор кончился, было вскоре разрешено жить и в столицах.

А. И. избрал Тверь совершенно случайно. Тем не менее эта случайность сказалась благотворной. В то время в Твери собралось много людей, которым не дозволялось жить в столицах. Главным образом это были возвращенные из Сибири, отбывшие там ссылку за различные политические „преступления“. Между ними были выдающиеся люди как по ширине и многосторонности образования, так по характерам и деятельности. Можно, напр., указать на В. В. Лесевича, известного философа принадежащего к научно-критической школе, и на П. Ф. Николаева, отличного знатока социологической литературы, переведшего на русский язык Лестер-Уорда, и „Историю английского народа“ Грина. Затем среди местных жителей А. И. познакомился, а вскоре и сошелся близко с замечательным представителем 40-х годов, П. А. Бакуниным, братом известного революционера-эмигранта. Бакунин был тверской помещик и влиятельный земец. Образ его мыслей отстоял очень далеко от каких либо революционных теорий; в политике он был умеренный либерал. Впрочем интерес его личности заключался не в политических воззрениях, а в высокой культуре, в свято сохраненных преданиях 40-х годов, в непрерывном философическом настроении ума. В противоположность Лесевичу Бакунин был чистый метафизик; он строил свое мировоззрение на неизменных положениях Декарта и Гегеля. В развитие этих положений он писал свои тяжело и неискусно изложенные книги и вел живые и остроумные разговоры. По многим пунктам А. И. не мог соглашаться с Бакуниным, но завсегда тем влияние этой интересной и симпатичной личности на А. И-ча было очень велико. Именно благодаря влиянию Бакунина — или лучше сказать — влиянию 40-х годов так целостно сохраненных в его уме, характере и привычках, А. И. в значительной степени оценил благотворную важность высокой культуры и огромную силу вопросов высшего порядка, в наше время слишком отесняемых вопросами специально политическими и экономическими. Затем на примере Бакунина же можно было вывести то верное, хотя во многих частях прискорбное заключение, что историческое назначение той культуры уже осуществлено, что ей предстоит смена, что новые времена требуют новых песен и в большинстве мало благозвучных... Это заключение легло впоследствии в основу романа А. И-ча — „Смена“.

С связи с интересами, возбужденными Бакуниным, А. И. в Твери же внимательно читал произведения гр. Л. Н. Толстого, ближе познакомился, бывая в Москве, с самим Толстым и с некоторыми его последователями.

Перед последней зимой проведенной в Твери, А. И. провел лето у себя на родине, где начал большой роман „Гарденины“, напечатанный в 1889 году. В Твери были написаны: „Из деревни“ — ряд очерков помещенных в „Русских Ведомостях“; повесть „Две пары“ напечатанная в „Русской Мысли“, и речь о В. М. Гаршине произнесенная в Москве, в Обществе Любителей Российской словесности и потом напечатанная в „Русских Ведомостях“ и в особом сборнике.

С зимы 89—90 гг. А. И. окончательно поселился на родине, в Воронежской губернии, в сельце Емпелеве. Здесь им написан второй большой роман — „Смена“ появившийся, как и все его произведения последних лет, в московском журнале „Русская Мысль“ (1891 г.). В 1891—1892 гг. А. И. ничего не писал: все его время было затрачено на организацию помощи голодающим крестьянам. Благодаря пожертвованиям присылавшимся ему со всей России, эта организация обняла довольно широкий район и помощь могла проявляться очень разнообразно. В этот же год он занят был постройкой большой народной школы в двух верстах от Емпелева, на деньги пожертвованные известной московской благотворительницей В. А. Морозовой.

А. И. женат на Марье Васильевне Огарковой и имеет двух, еще маленьких детей. Из Емпелева он выезжает теперь только на короткое время, затем круглый год живет в деревне. В Емпелеве ведется небольшое хозяйство. Земля не принадлежит А. И-чу, но держится им в аренде, конечно, не с целью каких либо доходов от нее. В настоящее время он занят большим романом, в котором события голодного года будут играть значительную роль.

*

В 1891 г., на запрос одного издателя, намеревавшегося составить сборник биографических сведений о более или менее известных писателях, причем эти сведения должны были касаться исключительно истории их развития, А. И. ответил письмом, отрывок из которого здесь прилагается.

„... Для меня, — писал А. И., — книги были и низшим, и средним и высшим

учебным заведением, потому что ни в том, ни в другом, ни в третьем я не был. Я этим не хочу сказать, что книги с успехом заменили „правильное образование“, — я просто констатирую факт. Затем надо прибавить, что чтение никогда не располагалось мною в системе, — по крайней мере в детском и юношеском возрасте, — и, таким образом, наряду с дельным и серьезным тратилось много времени на вопиющие пустяки. В сущности я не распоряжался книжным материалом, а читал что попало, — отчасти и потому, что материал-то был скучен и случаен, а отчасти побуждаемый непреодолимой жаждою к книгам. Так продолжалось по крайней мере до 20 лет."

„Не помню в каком возрасте, но что-то очень рано, я начал рассматривать картинки в огромной растрепанной книге, чуть ли не единственной у моего отца, а научившись читать, неоднократно перечитывал и текст к картинкам. Это была „История Наполеона“, — вероятно сочинение Полевого, — с иллюстрациями Ораса Верне. Благодаря этой недешей книге у меня долго сохранялось самое обаятельное представление, о войне, о „великом“ Наполеоне и его маршалах, а англичане казались не иначе как в образе свирепого Гудсон-Лоу. В то же раннее детство я читал еще много книг, между которыми были, и хрестоматия Галахова, и стихи Кольцова, и какие-то „Славянские“ сказки, и тьма лубочных книжек, и священная история Анны Зонтаг. Но их влияние, если оно и было, не могло соперничать с историей Наполеона. Помню, впрочем, удивительно свежее впечатление от песен Кольцова, „Рыбаков“ Гнедича, и сказки Пушкина о золотой рыбке.

Лет девяти я, между прочим, прочитал повести Пушкина, из которых „Капитанская дочка“ и „Дубровский“ сделали огромное впечатление. Немного позднее — довольно безучастно познакомился с „Горем от Ума“, и, с восхищением — с „Вечерами на Хуторе близ Диканьки“, и, особенно — с „Тарасом Бульбою“. Двенадцати лет зачитывался Тургеневым при чем предпочитал „Простоялый двор“ и „Муму“ его романам. Но как еще шатки были вкусы и много значила фабула, доказывает то, что почти одновременно с Тургеневым, воображение распалось полвитами героев Дюма-отца и глотались в неимоверном количестве сенсационные романы Эженя Сю, Поля Феваля и т. п. До шестнадцати лет к сему в значительной степени прибавился церковный материал: библия, четьи-минеи, киевский патерик, — а с шестнадцати я впервые увидел книжки журнала. Это было „Русское Слово“ 60-х годов. Писарев, Шелгунов, Зайцев имели большое влияние, а в сфере беллетристики — Холодов и Эркман-Шатриан. Тогда же попала книга Дарвина „О происхождении человека“ заполонившая не меньше, чем „Три мукшера“ четыре года тому назад. Спустя два года представился случай воспользоваться хорошей библиотеккой, которая довольно скоро была исчерпана до тля. Начал я Боклем, Фейербахом (в рукописи), Фогтом, Молешоттом, Шлоссером, Гетнером, Шерром, и кончил „Современником“, „Отечественными Записками“, „Русским Вестником“, „Вестником Европы“, „Делом“ едва ли не за все годы их существования. Нечего и говорить, что художественная литература, русская и западно-европейская (в переводах) была и вновь перечитана и повторена, при чем отмечу опять-таки сильное впечатление от Пушкина не поколебленное Писаревым, довольно слабое от Сервантеса и Шекспира (исключая „Гамлета“ и хроник) и сильное, хотя в особом роде, в гражданском что ли — от В. Гюго, Шиллера и . . . Шпильгагена. В конце концов образовалось тяготение к истории, — к мемуарам, — к очеркам культуры, и, полосами, — к политической экономии, к истории литературы, к этнографии. Философский интерес почти отсутствовал. Интерес к чистой, по преимуществу лирической, поэзии, любовь к стихам, не прерывались никакими посторонними тяготениями: „гражданское“ направление совмещалось и с Фетом, и с Майковым.

„В 1879 г., т. е. когда мне было 24 года у меня уже был запас весьма определенных мнений и симпатий. В начавшихся с этого года литературных моих работах („Записки Степняка“) легко различить влияние „Отечественных Записок с примесью того „прекраснодушья“, которое было усвоено из литературы 40-х годов и, отчасти, навеяно преувеличенной любовью к природе.“

„В 1885 г., благодаря некоторым личным знакомствам отсутствовавший дотоле интерес к философии определялся с большой силою, и, тогда же, в связи со многим другим, была вновь прочитана „Исповедь“ Льва Толстого. Потом опять появился давно утраченный интерес к богословской литературе . . . Затем вновь и в большей мере были оценены таланты как Герцен, Салтыков, Достоевский . . .“

„Сделаем теперь хронологическую справку.

„1.) В раннем детстве преобладало влияние глупой и вредной книги о Наполеоне.

„2.) В 9—12 лет образовывались художественные вкусы на Пушкине, Гоголе, Тургеневе и Кольцове, и, вместе с тем фантазия была напоена деяниями героев Дюма, Сю, Поля-Феваля и др.

„3.) В 13—16 лет влияла церковная литература умеряемая опять-таки сенсационными романами и лирическим настроением от степей и стихов.

„4.) В 16—19 лет господствовали Дарвин с „естественно-научным“ направлением „Русского Слова“.

„5.) В 19—21 г. определилось влияние „Отечеств. Записок“ и мировоззрение начало складываться более или менее самостоятельно.

„6.) С 29 л. это мировоззрение приняло тот характер, который не обинуясь назову самостоятельным. Хотя конечно, не буду отрицать, что с 1885 г. были на моем пути 3—4 человека, которые сильно мне помогли овладеть этой самостоятельностью. Один из них — Л. Н. Толстой, другие помогли не книгами, а потому и не называю их в этом письме.

„Необходимо добавить, что говоря о разных влияниях, я отнюдь не говорю, что все эти влияния бесспорно сланы мною в архив. Напротив. Я и до сих пор, напр., весьма ценю Дарвина и тех писателей, которые по преимуществу давали тон ‚Современнику‘ и ‚Отечеств. Запискам‘. Но мне думается, что теперь в моих отношениях к ним, — равно и к каким-бы то ни было писателям, теориям, гипотезам и направлениям, более свободы чем прежде. Свобода же есть неперенное условие самостоятельности. В этом случае полезно припомнить завет Пушкина: ‚Иди дорогою свободной куда влечет тебя свободный ум‘ — а не в той или иной теоретической запряжке. Следовать сему на мой взгляд, нужно не только писателю, но и каждому человеку, и, в конце-то концов именно в этом должна состоять задача так называемого ‚развития‘. То, что у нас понимается под словом ‚свобода‘, оттого, может быть, и не преуспевает, что слишком уж мало у нас свободы в обширном и глубоком значении этого слова.“

А. Э.

NEZNÁMÁ AUTOBIOGRAFIE A. I. ERTELA

Uveřejněný dopis-autobiografie A. I. Ertela (1855—1908), ruského prozaika-raznočince osmdesátých let 19. století, autora díla „Gardeninové, jejich čelců, přívrženci a nepřátelé“ (1888), jednoho z nejlepších románů své doby, je důležitý pro studium dějin ruské prózy konce minulého věku. Otiskujeme ho z archivu A. Vrzala (1864—1930), o jehož životě, činnosti a literární pozůstalosti jsme psali už v předcházejícím čísle Sborníku prací (D 11).

V komentáři hovoříme o nálezů nových čtyř dopisů ruských spisovatelů A. Vrzalovi v Státním archivu v Brně a stručně popisujeme Vrzalovu knihovnu, která byla ve své době nesporně jednou z nejbohatších osobních sbírek ruské beletrie v původním znění a literárně-historických prací o ní. Dnes je uložena v Státní vědecké knihovně v Brně. Zvláštní pozornost pak věnujeme celkové charakteristice Vrzalovy korespondence s ruskými spisovateli a jeho pojetí literární tvorby A. I. Ertela.

